

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**2020.04.002. Дмитриева Е.Л.
РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(Сводный реферат)**

1. Салгириев А.Р., Баранов А.В., Костенко Ю.В. Возникновение новых точек этнополитической напряженности на Северном Кавказе как следствие кризиса элит // *Евразийское научное объединение*. 2019. № 7-2 (53). С. 145–147.

2. Рудков Ю.И. Политические элиты Северного Кавказа: особенности современного этапа развития // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 1 (58). С. 175–181.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; политические элиты; политический процесс; структура; конфликты; напряженность; протест; политическое лидерство; угрозы; вызовы.

Авторы исследования [1] Салгириев А.Р., Баранов А.В., Костенко Ю.В., анализируя роль элит на Северном Кавказе, показывают процесс их формирования, структурирования и поведенческие модели. Северный Кавказ является сложным, депрессивным регионом России, где проживают в основном автохтонные народы, которые исповедуют ислам и христианство. Для данного региона характерны высокая степень политизации, этничность, клановость, сильные трайбалистские связи, которые создают почву для конфликтного поведения. Региональные этнополитические элиты состоят из сложной системы тайпов, фамильности, тукумности. Их формирование происходит по закрытой модели на основе гильдий, а включение в круг избранных осуществляется доверенными лицами на основе неформальных связей.

Наличие реальной власти, формальных и скрытых рычагов давления на принятие решений определяет саму сущность полити-

ческих элит в условиях Северного Кавказа. Авторы указывают на низкое качество элиты, которое приводит к возникновению новых и к эскалации старых конфликтов. Этнократии используют в собственных меркантильных целях историческую память народов, нерешенные территориальные споры, несправедливость, социальную дифференциацию и т.д. Так, события 1992 г. вокруг спорного Пригородного района Северной Осетии – Алании, внутригосударственный российско-чеченский конфликт 1994–1996 и 1999–2000 гг., новые точки этнополитической напряженности в Ингушетии, Дагестане, межэтнические столкновения в Калмыкии, Кабардино-Балкарии свидетельствуют о наличии высокого конфликтогенного потенциала в регионе. Архаизация, слабо развитые институты гражданского общества, экономическая отсталость, по мнению авторов, также приводят к перманентной напряженности и конфликтам в регионе.

Как отмечают авторы исследования, федеральный центр начал проводить политику децентрализации и делегирования части своих полномочий в регионы еще в бытность Ельцина президентом. Это спровоцировало череду внутригосударственных и региональных конфликтов, в частности на Северном Кавказе. А сегодня отсутствие «зрелой» политической элиты в регионе, неспособность некоторых руководителей трезво оценить ситуацию на местах приводит к новым очагам этнополитической напряженности и конфликтов. К примеру, с начала октября 2018 г. в Ингушетии проходили манифестации, митинги, шествия, сопровождающиеся публичными оскорблениями органов региональной власти, с призывами к смене правительства и т.д. Претензии митингующих сводились к тому, что в результате подписания 26 сентября 2018 г. Соглашения между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия о разграничении территории Ингушетия потеряла значительную часть своих земель. Такие события показали, что несогласованность и поспешность подобных шагов со стороны этноэлит, а также информационные вбросы и дезинформация со стороны политических оппонентов, которые поспешили использовать этот довольно чувствительный вопрос в собственных целях, усугубляют ситуацию.

Такое протестное поведение показывает, что политические элиты не всегда способны артикулировать интересы граждан и свидетельствует о слабости доверия со стороны населения решениям политико-административных элит, а также сигнализирует о том, что население подвержено сильному влиянию оппозиционных

сил, провокаторов. Отмечается активная роль контрэлит в политическом процессе. Так, например, оппозиционные западные диаспоры поспешили возглавить этот процесс для собственной рекламы.

Диаметрально противоположное отношение к проблеме границы сложилось в соседней Чеченской Республике. Проведенное в 2017 г. исследование показывает, что большинство опрошенных респондентов (55%) считают, что обстановка на Северном Кавказе останется прежней, а 11% считают, что она ухудшится. И только 15% ответили, что она улучшится, 19% вообще затруднились ответить на вопрос. Эти цифры показывают скептическое отношение населения Северного Кавказа к изменениям, которые происходят здесь в последнее время.

В российском обществе сложилось мнение, что именно в регионы Кавказа идут многомиллиардные вливания из федерального бюджета и там они разворачиваются. Подобные настроения в обществе культивируются ангажированными средствами массовой информации и особо обостряются в период выборов. На деле же, согласно опубликованным статистическим данным, известно число субъектов с самым большим числом дотаций из федерального бюджета и среди них три субъекта из пятерки лидеров не входят в Северо-Кавказский федеральный округ.

Говоря о структуре элит Северного Кавказа, авторы отмечают патрон-клиентальную основу с сильным преобладаем политико-административных факторов. В такой элитной структуре существует руководитель, глава («патрон») и группа – помощники, советники, заместители и так далее, т.е. формируется «клиента». При перемещении патрона из одной должности на другую вместе с ним перемещается и его клиента. При отстранении от должности патрона разрушается и его «обойма», которая может нести сильные репутационные потери («бывшие»). Данная элитная организация может существовать только при вертикальной протекции, под эгидой более влиятельного чиновника. Такая структура характеризуется достаточно сильным конфликтогенным потенциалом и острыми противоречиями, так как построена по закрытой системе, а распределение политических и экономических ресурсов выстроено по авторитарному принципу. Простые люди не могут занять должности, где сконцентрированы властные полномочия, без одобрения «патрона», его покровительства.

Авторы исследования еще раз подчеркивают, что именно механизмы формирования этнополитических элит и ее низкое качество являются существенным источником конфликтов. В этой

связи коррумпированность, недостаточный профессионализм и теневой характер ее функционирования все еще остаются главными недостатками. В условиях Северного Кавказа проблема коррупции является основным общественным раздражителем, провоцируя протестное поведение, особенно в молодежной среде.

Авторы исследования, говоря о современном этапе, указывают на начавшиеся процессы централизации политической вертикали, усиление роли федеральных органов исполнительной власти (введение полномочных представителей президента страны в федеральных округах, создание федеральных территориальных министерств, назначение и отстранение глав регионов). Подобные административные меры, по мнению авторов, были вызваны постепенным ослаблением контроля центра на местах, возрастанием роли этнократий на фоне слабости управления.

Важно отметить, что политические элиты кавказских республик способны аккумулировать и детерминировать этномобилизационный потенциал, что приведет к возникновению определенного торга с местными этноэлитами. Выход из ситуации авторы видят в постепенном ослаблении роли элит, введении новых каналов рекрутирования и инкорпорации элит, а также в дальнейшей интеграции народов Северного Кавказа в общероссийское цивилизационное и культурное пространство; в борьбе с социальной дифференциацией путем подавления коррупции и введения справедливых судов.

Исследуя особенности современного этапа развития элит Северного Кавказа, Ю.А. Рудков [2] акцентирует внимание на таких факторах, как неравнозначность субъектов РФ, асимметрия их политий и экономического потенциала, которые определяются национальными и историческими особенностями этих территорий. В таких условиях, считает автор, местные элиты имеют различные социально-экономические возможности и в силу этого обстоятельства вынуждены использовать разнообразные управленческие стратегии, порой приводящие к противостоянию или даже к конфликту друг с другом. Задачу федерального центра автор видит в том, чтобы не допускать нарастания этих конфликтов и купировать их в самой начальной фазе развития. Насколько эффективной оказывается данная политика, видно на примере качественного состояния местных политико-административных элит.

Если в 1990-е годы российские политические элиты развивались в условиях так называемого «демократического транзита» и господства западной либеральной концепции власти, то в 2000-е

и особенно в 2010 г. они столкнулись с новыми вызовами внутреннего развития, связанными с усилением вертикали власти, конфликта с ценностями западного мира, нивелирования некоторых демократических институтов (на фоне усиления бюрократизации) и утверждения мягкого варианта авторитарного стиля политического руководства. После Мюнхенской речи В.В. Путина (10 февраля 2007 г.) российское политическое руководство пошло по пути усиления суверенитета и сворачивания политики открытого партнерства с Западом. Именно проблема суверенитета и стала предметом раздора между Москвой и коллективным Западом, который привык уже к тому времени пользоваться суверенитетом России по своему геополитическому усмотрению.

Если рассматривать глубинные основы российской элиты, то нетрудно обнаружить в ней те же самые черты и элементы, свойственные всему российскому обществу. Таковыми общими чертами являются традиционализм, этатизм, единоначалие, бюрократизм... О последнем (бюрократизации) особенно много говорится, когда дело касается проблемы коррупции и клиенталистских отношений. Автор констатирует, что проблему не замалчивают, а активно обсуждают на всех уровнях, но решить ее кардинально не удастся по причине несовершенства самой системы политического управления и социокультурной мобильности.

В 2008 г. помощник президента России и автор концепции «суверенной демократии» В.Ю. Сурков заявил о том, что российская политическая элита имеет главную кадровую проблему – отсутствие открытой конкурсной селекции.

Современная российская административно-политическая элита до сих пор страдает идолопоклонничеством перед западными авторитетами, считая, что Россия не имеет морального права на свое особое мнение. Пережитки вестернизации особенно сильны у лиц среднего поколения, которые пришли во власть в 1990-е годы. Так называемая компрадорская элита (которую чаще всего именуют «пятой колонной») рассматривала себя в качестве составного элемента глобалистского проекта Запада, поскольку разделяет его фундаментальные ценности и начала уже фактически интегрироваться в его социально-экономические системы. Эксперты отмечают, что «личные интересы значительной части российской элиты лежат за пределами России. Сложившаяся в основном при Ельцине, политическая элита фактически застыла в своем развитии, искусственно остановив «вертикальные социальные лифты». Селекция российской элиты происходит методом самовоспроизведения. Она

всё больше приобретает черты наследственного характера. Механизм самовоспроизведения – это образование детей и наличие «тепленьких местечек» для их старта и продолжения карьеры. Государственные чиновники не заботятся о развитии и престиже российских национальных университетов, не направляют учиться туда своих детей. Их дети получают западное образование, впитывают западную идеологию, некоторые дети государственных российских чиновников самых высоких уровней управления страной уже стали гражданами других государств. В результате уже следующее поколение нынешней российской элиты, которое постепенно приходит к власти, не будет преследовать никаких национальных интересов своей страны. Всё это делает данную элиту крайне уязвимой для давления на нее со стороны, что приносит интересам государства значительные системные угрозы и в первую очередь ограничивает суверенитет России.

Автор выделяет еще одну угрозу в самом федеративном устройстве Российского государства. Речь идет о проблемах асимметричного федерализма. В идеале федеративное устройство подразумевает наличие свободной конкуренции региональных элит и формирование ими регионального правительства на основе открытых и альтернативных демократических процедур. В России региональные элиты формируются путем назначения и утверждения из центра кандидатуры главы субъекта, что является элементом унитарного характера административно-территориального устройства. Таким образом, можно говорить о российском федерализме как о смешанном и асимметричном, поскольку наряду с областями и краями субъектами России являются также и национальные республики. Особенно это становится заметным на примере национальных республик Северного Кавказа. Данный регион всегда был проблемным для России, поэтому находился постоянно в зоне особого политического внимания.

По мнению автора, на Северном Кавказе социально-экономических проблем больше, чем в других регионах России, поэтому им и уделяется столь пристальное внимание. Но еще большего внимания требуют местные элитные сообщества, от консенсуса с которыми зависит безопасность России на южном направлении.

Говоря об особенностях политико-административных элит республик Северного Кавказа, автор отмечает их стремление к этнократии с опорой на традиционный (консервативный) стиль политического мышления. Как известно, этнократия представляет

собой систему, которая распределяет политическую власть на основе сугубо этнических целеполаганий и поэтому поддерживается преимущественно на этнических традициях.

После завершения военно-политического конфликта на Северном Кавказе (первая и вторая чеченские кампании) данный регион переживает период относительного социально-экономического и политического спокойствия и стабилизации. Однако это не означает, что из региона автоматически ушли все проблемы. Острой фазы их развития, быть может, и нет, но сами проблемы никуда не делись, а лишь были загнаны на периферию, вытеснены из повестки дня. Известно, что в полиэтничных регионах Северного Кавказа этнополитическая стратификация является ведущим фактором политико-административной элиты, ее позиционных отношений и связей с федеральным центром. И проблемы этнократии федеральным властям придется еще решать и решать в русле интеграции местных элит в культурные и политические структуры России. Автор приводит высказывание экспертов о том, что на современном этапе местным политическим элитам Северного Кавказа предстоит серьезная корректировка своей деятельности в связи с набравшей силу центральной властью и контролем над финансовыми дотациями из центра.

В 2000–2010 гг. на Северном Кавказе фактически сложилась региональная монопартийная политическая система. В республиках Северного Кавказа «Единая Россия» неизменно имела свыше 90% поддержки. «Кавказские результаты “Единой России”» оказались такими заоблачными еще и потому, что там почти нет других партий». Автор приводит мнение А.А. Вартумяна, который утверждает, что «политические элиты на уровне регионов не представляют собой однородной по социальному статусу и функциям группы. ...Публично-властные “команды” вокруг глав регионов обеспечивают юридическое оформление политических решений и легитимируют их. Властные “команды” выступают в качестве посредников между федеральными элитами и бизнес-группами регионов, всё более превращаясь в зависимых партнеров корпоративных структур. Крупные бизнес-группы обеспечивают экономические ресурсы всего сообщества элит, поддерживают его устойчивость, а часто и определяют состав формально-юридических глав регионов (президентов, губернаторов). Партии, общественные движения и СМИ обслуживают интересы административных и экономических групп элиты. Организованная преступность является самым “мобильным силовым институтом” политики элит.

Она осуществляет распределение зон политического влияния, влияет на персональную принадлежность власти».

Залогом успешного развития регионов является качественная подготовка профессиональной элиты, осознающей свой политический статус, многоаспектность и сложность решаемых задач. Однако большая часть политико-административных элит предпочитает получать высшее образование в университетах федерального уровня и за рубежом. Местные университетские сообщества еще не настолько сильны, чтобы предлагать качественное профессиональное образование. Поэтому для решения кадровой проблемы региональных элит властям следует, по мнению автора, в первую очередь уделять больше внимания и выделять больше средств на развитие региональной системы профессионального образования. Следует помнить, что регион Северного Кавказа требует от центральных властей постоянного, а не фрагментарного внимания.

Анализируя особенности этнополитических конфликтов, автор выделяет проблему клановых разборок и коррупционной деятельности местных чиновников, которые серьезно подрывают авторитет верховной власти в регионе. Северный Кавказ и в советское время не отличался спокойной обстановкой. В «лихие» 1990-е годы именно отсюда распространялись по России коррупция, криминал и терроризм. Ситуацию удалось переломить в 2000-е годы, но до конца изжить эти явления федеральному центру не удастся по целому ряду политических и экономических причин. Региональные элиты оказываются беспомощными в решении острых социально-экономических проблем, в первую очередь проблем безработицы (особенно среди молодежи), коррупции (особенно среди чиновничьего аппарата) и криминала (особенно в сфере теневой экономики). Деятельность некоторых коррупционеров из числа высокопоставленных чиновников наносит значительный моральный вред авторитету России в этом регионе. Местные власти порой сами дискредитируют себя непродуманными действиями. Специалисты указывают, что «не родственные связи и отношения, а социальная конкуренция патронов кланов за власть и ресурсы порождают местные проблемы и, в частности, проблемы в судебных органах. Несоблюдение легальных прав граждан, возможно, заключается также не только в использовании каких-то “традиций” в ходе судебного разбирательства, а в полном отсутствии судебного контроля и наличии закулисного контроля над деятельностью “независимых” судов».

Автор отмечает, что в республиках Северного Кавказа перманентно нарастает роль контрэлит, которые руководят внутриэтническими кланами и территориальными экономическими группировками, а также многочисленными религиозными сообществами. Этнополитические элиты региона Северного Кавказа, по мнению экспертов, «представляют собой этнически гомогенную социальную общность, являющуюся субъектом принятия важнейших стратегических решений, обладающую необходимым ресурсным потенциалом и лоббирующую интересы этнической группы во властных отношениях. Формирование этнополитических элит региона обусловлено историко-культурным контекстом, который определяет их теневизацию, традиционализацию и этнизацию. Этнополитические элиты Северного Кавказа сохраняют авторитарные традиции и ценности политического управления. Клановая принадлежность, этническое происхождение, протекционизм, клиентелизм, патернализм сохраняются в качестве базовых каналов рекрутирования элит, определяя специфику элитогенеза».

Российская политическая наука давно пришла к выводу о том, что конфликты в республиках Северного Кавказа носят, как правило, многосоставной и блоковый характер. Они также могут носить характер многосторонних, долгосрочных конфликтов не только конкретных групповых интересов, но и фундаментальных мировоззренческих ценностей. Причины, порождающие конфликты в республиках Северного Кавказа, подразделяются на экономические; социально-стратификационные; политические; этнополитические и историко-культурные; межконфессиональные и конфликты поиска идентичности. Потенциал этнополитических элит в стабилизации политической ситуации на Северном Кавказе недостаточно активно реализуется. Во многом это объясняется отсутствием стратегии регуляции политических элит в регионе со стороны федеральных элит.

В заключение автор приходит к выводу о том, что для того, чтобы эффективно управлять этим регионом, необходимо знать не только его нынешнее социально-экономическое и политическое состояние, но также детально разбираться в вопросах истории, культуры и традиции проживающих здесь народов.